

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

- ¹⁴ Анохин В.А. Указ. соч. – С. 13 - №№ 33-45. - Табл. VI, VII.
- ¹⁵ Ср. Анохин В.А. Указ. Соч. – Табл. VII, С-D-E и №№ 33-45.
- ¹⁶ Ср. Анохин В.А. Указ. Соч. – Табл. VI, № 34. – Табл. VII, №№ 37, 38, 42, 45, «С», «D» (монеты лучшей сохранности) и Карышковский П.О. Об обращении кизикинов в Ольвии // НЭ. – 1960. – Т. II. – Табл. I, №№ 6, 7, 9-16, 18, 19. – С. 4, 5.
- ¹⁷ Карышковский П.О. Монеты Ольвии ... - С. 28. Это может быть подкреплено найденными В.А.Анохиным аналогиями березанским статерам – электровыми монетами Ионии VII-VI вв. до н.э. с изображениями тюленя и спящей собаки (см. Анохин В.А. Указ. соч. – С. 11).
- ¹⁸ Bodenstedt F. Vorstufen der Porträtkunst in der ostgriechischen Münzprägung des 5. und 4. Jh.V.Chr. // Proceedings of the 9th International Congress of Numismatics. – Berne. – 1979. – Luxembourg. – 1982. – S. 96. – Taf. 11, №№ 9a, 9b.
- ¹⁹ Фролова Н.А. Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. – М., 2010. – С. 27, № 63. – табл. V, № 53.
- ²⁰ Карышковский П.О. Монеты Ольвии ... - С. 29.
- ²¹ См. Карышковский П.О. Новые находки архаических золотых монет в Ольвии // Древности Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981. – С. 96.
- ²² The British Museum. A Catalogue of the Greek Coins. Ionia. Phocis. – Bologna, 1964. – P. 207, № 28. – Pl. IV, 17.
- ²³ Карышковский П.О. Монеты Ольвии ... - С. 65, 73, 74
- ²⁴ Булатович С.А. Обращение электровых монет ... - С. 97.
- ²⁵ См. Карышковский П.О. Новые находки ... - С. 95, № 1.
- ²⁶ The British Museum. A Catalogue of the Greek Coins. Troas, Aeolis and Lesbos. – Bologna, 1964. – P. 156. – Pl. XXXI, 21-25.
- ²⁷ См. Карышковский П.О. Монеты Ольвии ... - Рис. 11, № 12.
- ²⁸ См. Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. - IV в. н.э.). – Одесса, 2003. – С. 306.

Богуславский Г.С. (Одесса, Украина)
**КИЛИЯ И БЕЛГОРОД; ПРОБЛЕМЫ ОБЩНОСТИ И
 ПАРАЛЛЕЛИЗМА РАЗВИТИЯ**

Лежащий на левом (северном) берегу самого северного из устьев Дуная город Килия, как и Белгород в устье Днестра, территориально относится к Северо-Западному Причерноморью. В золотоордынскую и молдавскую эпоху этот город не просто существовал, но и играл заметную роль в экономической жизни региона. По крайней мере, до середины XIV в. порт на Нижнем Дунае как транзитный торговый центр превосходил Белгород-Монкастро; в нотариальных актах конторы Антонио ди Понцо¹ известны белгородские купцы, осуществляющие свою внешнеторговую деятельность через Килию. Только сложение «молдавского шляха» в последней четверти XIV в. позволило днестровскому порту вырваться вперед².

Впервые Килия упоминается, по-видимому, ок. 1300 г. персидским летописцем монгольских ханов Рашид-ад-дином. Повествуя в своем «Собрании летописей» о втором западном походе Бату и Субэда, он сообщает, что при возвращении войск Улуса в Степь из разграбленной Венгрии в 1242 г., один из монгольских отрядов – орда Чингизида Кадана прошла через Болгарию, выйдя к Дунаю у трех городов, один из которых называется «Кыле». Наиболее вероятная интерпретация названия «Кыле» – отождествление этого города со Старой Килией; однако у этой точки зрения есть и оппоненты³.

Политическая история Килии XIV–XV вв. была исключительно бурной; город за два века успел неоднократно перейти из рук в руки. Первое достоверное известие о Килие, не оспариваемое никем из исследователей, относится к 1318–1322 гг. В списке владений Константинопольского патриархата она отнесена к патриаршим замкам⁴. В 1337–1338 гг. город был разгромлен османским набегом Умур-бега; возможно, около этого же времени или даже ранее, в связи с активизацией политики Узбек-хана в регионе, город оказывается в подчинении Золотой Орды (но прямых доказательств тому нет)⁵. В 1350-х (?) гг. в Килие обосновываются, после непродолжительной, но острой конфронтации с Венецией, генуэзцы. На какое-то время город становится важным пунктом в системе генуэзских колоний на Черном море, здесь существует большая торговая колония во главе с консулом. Но уже в 1370-х (?) гг. в результате конфронтации генуэзцев с Добротицей или его сыном Тертером, болгарскими деспотами Добружди, Килия, по-видимому, переходит во владения Деспотата⁶. Примерно в 1402–1404 гг. город оказался под властью господаря Валахии Мирчи Старого. Около 1426 г. его отбил у наследников Мирчи молдавский господарь Александр Добрый. В 1448 г. Килию снова захватили валахи, но уступили крепость венграм (правительство Венгрии во главе с регентом Яношем Хуньяди вело в эти годы большую войну против османской Турции, пытаясь привлечь на свою сторону балканских православных христиан; на данном этапе конфронтации Валахия господаря Влада Цепеша выступала союзником Буды). Наконец, в 1465 г. Килия снова вошла в состав Молдовы, отбитая у венгров господарем Штефаном Великим⁷. В 1479 г. правительство Штефана переводит «град Келию» с острова на левый берег Килийского гирла Дуная и строит там новую крепость, основывая, таким образом, нынешнюю Новую Килию⁸. В июле 1484 г. ее, без особых проблем за девять дней, завоевывают войска Османской империи – за месяц до падения Аспрокастро⁹.

В середине XIV в., когда в Килие находилась генуэзская торговая колония, появилось значительное количество документов, в той или иной степени освещающих экономику этого нижнедунайского города¹⁰. Город в это время имел этнически смешанное население – помимо итальянского, греческое, болгарское, армянское. Итальянские документы дают

масштабную картину экономической жизни города. Они фиксируют в Килие значительное число ремесленных специальностей, в первую очередь занятых переработкой продукции местного сельского хозяйства, надо полагать, для нужд населения города: упоминаются мельницы для помола зерна и хлебные печи, собственно мельники и пекари, мясники, сапожники, скорняки. Фиксируются и другие профессиональные ремесла: бондарское, кузнечное, портняжное, упоминаются баллистарии (одна из специальностей оружейников)¹¹.

В документах хорошо видно развитие внутреннего рынка, маркированное наличием в городе собственного денежного веса и собственной монетной чеканки («серебряные аспры Килии»); упоминаются и мелкие торговцы – лавочники и корчмари. Еще более масштабно фиксируется международная торговля. Корабли итальянских и греческих торговцев постоянно курсировали между Килией, Каффой, Константинополем и другими черноморскими портами. Расположенный неподалеку Белгород-Монкастро упоминается довольно часто¹². В импорте преобладают шерстяные ткани, главным образом итальянское сукно, греческое вино (в значительной степени – с венецианского Крита) и предметы роскоши. Вывозились же преимущественно продукты сельского хозяйства: зерно, мед, воск (есть информация о скупке двух последних продуктов во внутренних областях Болгарии); вывозили также лошадей и соль. Важное место в структуре вывоза занимала работорговля, поставщиками которой выступали «татары». Так же как и в соседнем Белгороде, главное место в этом обширном экспорте занимало зерно¹³. Среди генуэзских документов из Килии значительное место занимает уже упомянутое собрание нотариальных актов картулярия Антонио ди Понцо, дающее масштабную картину бизнеса в рамках не только города Килии, но и всего Северо-Западного Причерноморья¹⁴.

К сожалению, археологических данных по Старой Килие просто не существует. Само местоположение этого города в XIII–XIV вв. «продолжает быть предметом давнего спора»¹⁵. Поэтому нам не удастся привлечь археологическую аргументацию к проблеме об этнокультурном характере этого нижнедунайского урбанистического центра. Тем не менее, у нас имеется и помимо археологических достаточно данных для решения этого вопроса.

Дунайскую Килию часто рассматривают как своего рода «близнеца» днестровского Белгорода; это представление отражается уже в классической работе Н. Йорги¹⁶. Между тем, эта «близичность» – кажущаяся. Даже в «молдавское столетие» (XV в.), когда эти города представляли собой парные «ворота в мир» для карпатского княжества, положение их было различным: как хорошо видно из изложенного выше, Килия постоянно ускользала из рук господарей Молдовы. В более раннее время между ними еще меньше общего, кроме схожего статуса торгового экспортно-транзитного порта. Пресловутую «близичность» –

действительную идентичность городских административных и социальных структур – они обретут уже в османское время под нивелирующим влиянием великой империи¹⁷.

Прежде всего, Килия – не золотоордынский город. Никаких подтверждений ее политической принадлежности к Улусу Джучи не существует. Их нет ни в дошедших до нас документальных источниках, упоминающих «татар», но никогда не называющих их владельцами города¹⁸, ни на средневековых картах (на которых Килии до XVI в. нет вовсе). Если верно отождествление Килии с Ликостомо, известным на портуланах с XIII в., то подобному предположению существует прямое опровержение. Ликостомо – обычный пункт на многочисленных портуланах XIV в. (Паоло Веконте, 1313–1327 гг.; Анхело Далорто, ок. 1330 г.; Анхелино Дульсерт, 1339 г.; братья Пищигани, 1367 г. и 1373 г.; «Каталанский атлас» 1375 г.). На этих картах Ликостомо обозначается, как незначительный порт, черным цветом – в отличие от более важных, красных, Маврокастро-Белгорода и Вичины-Сакджи – а его местоположение отмечается (если отмечается, что бывает не всегда) флажком не с джучидской тамгой, а с болгарским львом¹⁹. Да, в условиях наличия ставки золотоордынского наместника при Ногае и Тукулбуге в расположенной немногим выше по Дунаю Сакдже, Килия наверняка платила дань Улусу Джучи. Но эту дань платила и считалась вассалом Улуса вся Болгария!²⁰

Итак, Килия – *балканский* город. При первом (пусть и не всеми исследователями признаваемом) упоминании «Кыле» – город в Болгарии. Несомненно его подчинение перед османским завоеванием всех трех болгарских царств в 1390-х гг. Добруджанскому деспотату. Параллельно упоминается в Килие некий замок, принадлежащий Константинопольскому патриархату²¹. Если через Белгород шли транзитные товары из Украины и Молдовы (зерно) и степных «татарских» областей (рабы), то Килия служила транзитным портом для нижнедунайских стран – Болгарии и Валахии. Известны документы, посвященные скупке товара, вывозимого из Килии, во внутренних областях «Загоры», т.е. болгарских земель²². Основное население города Килии также было балканским – болгарским и греческим. Греческое *городское* население даже после падения византийской власти над Болгарией в 1185–1187 гг. оставалось многочисленным на черноморском побережье страны (например, в Варне) и Нижнем Дунае. Греки из Килии постоянно упоминаются в документах конторы ди Понцо и других источниках по истории генуэзской колонии в Килие²³. С греческой традицией Добруджи и побережья связан и титул «деспота» (а не «царя»), принятый хозяевами Нижнего Дуная в последней четверти XIV в. Добротицей и его сыном. Исторически с византийским миром были тесно связаны и армяне, община которых фиксируется в Килие рассматриваемого времени²⁴.

С другой стороны, в Килии XIV в. существует крупная генуэзская колония во главе с консулом²⁵. Более того, в третьей четверти века, к которой относится основной корпус генуэзских документов из Килии, политический верх явно берут именно итальянцы – «Килия стала на какое-то время Каффой Северо-Западного Причерноморья»²⁶ – до усиления деспотата Добротицы. Следовательно, в этом аспекте история Килии рассматриваемой эпохи должна изучаться в контексте той же Каффы, Солдайи, Лусты, Матрахи, Таны и т.д. – в контексте истории итальянских торговых колоний Причерноморья. Золотоордынский фактор по отношению и к греко-болгарским Балканам, и к генуэзским и венецианским колониям – сильно влияющий, но все-таки внешний.

Если у нас нет археологических материалов, способных подтвердить данный тезис, то есть все-таки некоторые нумизматические аргументы. Н.Д. Руссев, делая свой «опыт построения периодизации» монетной циркуляции в регионе Нижнего Дуная – Нижнего Днестра, отмечает один важный момент. Медные монетные серии, сделанные в Килии 1360-х – 1380-х гг. относятся к т.н. «гибридным» типам, созданным под влиянием золотоордынского чекана, выпуск которых, вероятно, был налажен генуэзцами. Упоминаемые в документах «серебряные аспры Килии» также, видимо, имитировали ордынские дирхемы²⁷. Таким образом, чекан Килии характеризуется сильным золотоордынским влиянием, но все-таки город – в отличие от Белгорода – Акджа Кермана – находится *вне* зоны обращения монет Улуса Джучи²⁸.

Суммируя изложенное выше, необходимо признать, что только по балканскому (греко-болгарскому) и отчасти итальянскому (гораздо более значимому на Дунае, чем на Днестре, где у генуэзцев никогда не было ни собственной колонии, ни тем более политической власти) этнокультурным компонентам Килия и Белгород могут считаться «родственниками», хотя явно не «близнецами». Но в том-то и уникальность Белгорода, что это не только (и, в общем, не столько) балканский город. Археологические и нумизматические данные не оставляют сомнений, что он точно в той же, если не в большей, степени и золотоордынский город²⁹. Более того, учитывая его северные, украинские этнокультурные связи золотоордынского и молдавского времени, а также некоторые аспекты истории домонгольского периода³⁰, Белгород можно назвать в какой-то мере и древнерусским городом. Наконец, в XV в. он станет намного более «молдавским», чем Килия. Не случайно его название, имеющие одинаковый смысл в разных языках, известно нам из рассматриваемой эпохи и в тюркском (Акджа Керман), и в греческом (Аспрокастро), и в славянском (Белгород) вариантах; да и у итальянцев было свое наименование для этого своеобразного урбанистического центра. Северо-Западное Причерноморье в силу самой своей географии – зона контактная, и по интенсивности контактов – одна из самых пестрых в мире. Белгород

XIV в. действительно находился, по удачному выражению того же Н.Д. Руссева, «на грани миров», став узловой точкой их переплетения.

В понимании истории Белгорода-Аспрокастро золотоордынской и молдавской эпохи килийские параллели очень важны. Но история самой Килии XIV–XV вв. должна рассматриваться как элемент истории городского общества Балканского полуострова, а не Северного Причерноморья.

¹ Руссев Н.Д. На рубеже миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. – Кишинев, 1999. – С. 26.

² Коновалова И.Г. Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. – М., 1983. – С. 47.

³ Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – Кишинев, 1981. – С. 29; Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 156.

⁴ Паламарчук С.В. О связях земель районов устьев Дуная и Днестра с Константинопольским патриархатом // ДП. – (Вып. VII). – Одесса, 2006. – С. 163–164.

⁵ Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 115–118.

⁶ Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. – Кишинев, 1979. – С. 65–66.

⁷ Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 67.

⁸ Паламарчук С.В. Територіальні структури Дунай-Дністровського межиріччя (кінець XIV – середина XVII ст.) / Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. – Одеса, 2005. – С. 10.

⁹ Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул. – М., 1976. – С. 30;

Iorga N. Studii istorice asupra Chilieii și Cetăței Albe. – București, 1899. – С. 158.

¹⁰ Возможно, итальянское название Килии – Ликостомо (от греч. Ликостомион), что вроде бы прямо подтверждается данными Георгия Сфрандзеса в рассказе о возвращении Палеолога Иоанна VIII из поездки в Венгрию. Оба названия связываются с населенным пунктом, расположенным *на острове* в дельте Дуная (Паламарчук С.В. О связях земель... – С. 164). Но, с другой стороны, известные нотариальные акты генуэзских контор 60-х – 80-х гг. XIV в. обозначают место своего написания либо тем, либо иным названием, *никогда* их не отождествляя (Руссев Н.Д. На рубеже миров и эпох. – С. 118.); возможно расположение Ликостомо в районе Вилково (Руссев Н.Д. Молдавские средневековые монеты в Нижнем Поднепровье // ДП. – Вып. VIII. – Одесса, 2008. – С. 327). Иными словами, вопрос остается открытым.

¹¹ Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 66–67.

¹² Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 66–67; Руссев Н.Д. На рубеже миров и эпох. – С. 65–66.

¹³ Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 66.

¹⁴ Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 116.

¹⁵ Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 66.

¹⁶ Iorga N. Studii istorice...

¹⁷ Паламарчук С.В. Територіальні структури... – С. 11.

¹⁸ Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 115.

¹⁹ Коновалова И.Г. Итальянские навигационные пособия... – С. 38–44.

- ²⁰ Павлов П. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270-1302 г.) // БСП. – Т. IV. – Велико Търново, 1995. – С. 121-130.
- ²¹ Параска П.Ф. Указ. соч. – С. 29; Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 65; Паламарчук С.В. О связях земель... – С. 163-164.
- ²² Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 71. «Загорой» названа България царя Тодора Светослава и в постановлении Оффиии Газарии 1316 г. (Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 63).
- ²³ Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 67; Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 117.
- ²⁴ Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 67; Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 71.
- ²⁵ Полевой Л.Л. Указ. соч. – С. 66.
- ²⁶ Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 122, 160.
- ²⁷ Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 147
- ²⁸ Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 151.
- ²⁹ Кравченко А.А. Жилые комплексы золотоордынского Белгорода // МАСП. – Вып. 8. – Одесса, 1975; Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). – К., 1986.
- ³⁰ Богуславський Г.С. Деякі питання історії Білгорода на Дністрі VIII-X віків // КНП. – № 31. – Симферополь, 2002. – С. 74-79.

J. Bodzek (Krakow, Poland)

A FORGERY OF AN OLBIAN GOLD COIN¹

Forgeries are one of the key hazards of contemporary numismatics. This is not a new problem, but one that many generations of scholars, collectors and coin dealers have had to face since at least the 16th century. However, it is obvious that since the second half of the 19th century both the coin market and numismatic interests have been constantly expanding while at the same time coin prices have been rising. In parallel with this, the business of forgery has also been on the increase. Nowadays forgers are often skilled, well educated and experienced. They use new technologies and devices for making fakes and sophisticated methods to distribute them. This is why they are so dangerous. So, one of the most important tasks for numismatics is to document all known and recognized forgeries as well as to collect them in accessible databases. One could cite here several important publications by eminent numismatists as well as websites concerning the problem².

It is therefore not surprising that the problem also affects the numismatics of the North Black Sea Coast. An example of this is the account of Mr M. Sazonov, a counterfeiter active at Kerch in the Crimea in the 19th century, published by K.V. Golenko³.

The aim of the present paper is to publish a fake Olbian gold coin which appeared a few years ago on the market in Poland (Il. 1). The coin is held in a private collection in Poland and it is known to me only from a photograph. According to the present owner the item had been purchased in the 1990s from “a Russian”⁴. The specimen weighs 4.62 g and its diameter is c. 18 mm. The obverse type is head of Demeter wearing necklace made of dots. On the reverse